

Окатенко В.Н. *, Скорый С.А. **

Скифский курган «Турецкая Могила» в бассейне Северского Донца

Аннотация: Публикуются результаты исследований достаточно крупного кургана скифской эпохи, располагавшегося на окраине г. Харькова, содержащего два захоронения. Одно из них, по всей видимости, относится к концу VI в. до н.э., другое – к концу V в. до н.э. Дан подробный анализ устройства насыпи, содержащей важные конструктивные элементы, погребальных сооружений, сохранившегося вещевого набора.

Ключевые слова: курган, скифская эпоха, бассейн Северского Донца

УДК 903.53 + 94(395.1)

Abstract: The results of investigating of a quite large mound of the Scythian age, located on the outskirts of the Kharkov city, are published. The barrow contains two burials. The first of them, apparently, refers to the end of VI centuries BC, the second – by the end of V centuries BC. A careful analysis of the device of embankment (containing important structural elements), funeral structures, and the surviving kit of things is given.

Key words: the barrow, Scythian age, Seversky Donets basin

Исследования курганов скифской эпохи, имеющих насыпи относительно больших размеров (высотой не менее 4,0 м), в украинской Лесостепи осуществляются в последние десятилетия редко.

Между тем, изучение подобных погребальных памятников, относящихся к кругу аристократических, имеет чрезвычайное значение для понимания ряда важных вопросов скифской истории.

В связи с этим, заслуживают внимания результаты недавних раскопок кургана скифской поры на северо-восточной окраине Харькова (бассейн р. Северский Донец, Днепровское Лесостепное Левобережье), носящего в народной традиции наименование Турецкая Могила (рис.1, 1-2).

---

* *Окатенко Виталий Николаевич* – директор «Слобожанской археологической службы» НАН Украины (e-mail: okatenkovitalij@gmail.com)

** *Скорый Сергей Анатольевич* – д.и.н., профессор, заведующий Отдела Института археологии НАН Украины (e-mail: idanfirs@ukr.net)

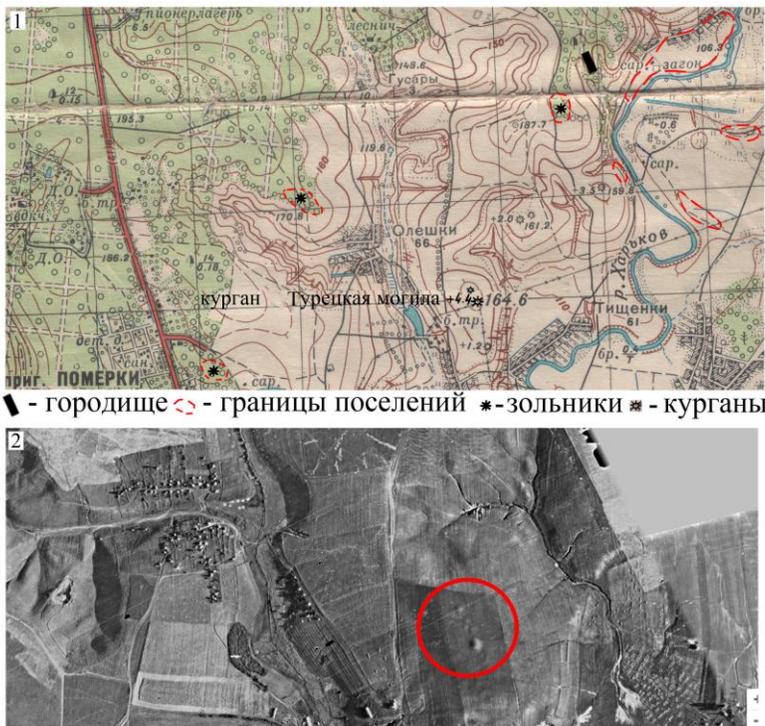

Рис. 1. Местоположение кургана Турецкая Могила: 1 – географическая карта 1:50 000 (1949 г.); 2 – немецкая аэрофотосъемка (1943 г.) (Фото из электронного ресурса: http://warfly.ru/about/Аэрофотосъёмка_Второй_Мировой_Войны)

К моменту исследования насыпь была разрушена владельцами близлежащих земельных участков, с помощью экскаватора, по сути, на треть, особенно с восточной стороны, и достигала в центральной части высоты около 4,0 м, при диаметре 40 м (рис. 2). Следует также добавить, что верхушка насыпи была повреждена поздней, округлой в плане ямой, возможно, грабительской, и некогда установленным на самой высокой точке кургана триангуляционным знаком.

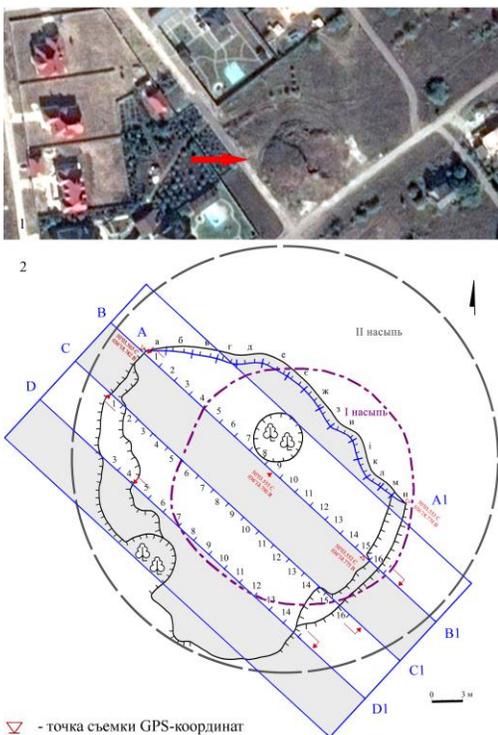

Рис. 2. Сохранность кургана к моменту исследования: 1 – спутниковая съемка (Google 2016 г.); 2 – план кургана (Это и другие фото из личного архива автора В.Н. Окатыенко)

Примечательно следующее: в 2005 г. рядом с Турецкой Могилой фиксировалась ещё одна, небольшая насыпь, которая впоследствии была уничтожена застройкой, но гораздо интереснее были сведения, полученные благодаря фотоархиву времён Великой Отечественной войны. Обнаружена немецкая аэрофотосъёмка (1943 г.), свидетельствующая, что в районе пос. Большая Даниловка существовал курганный могильник из 5 насыпей, при этом самой большой из них являлась Турецкая Могила (рис.1, 2).

Стратиграфические и планиграфические наблюдения позволили зафиксировать и проследить наличие в кургане *впускного* и, по сути, полностью разрушенного им основного скифских захоронений. Они оба располагались в центральной части подкурганной поверхности.

Над *основным погребением* первоначально была сооружена насыпь из плотного светло-серого грунта, высотой около 3,0 м и диаметром 22,8 м. Она прекрасно фиксировалась визуально во всех профилях кургана (рис. 3, 1-4; 4, 1-2).

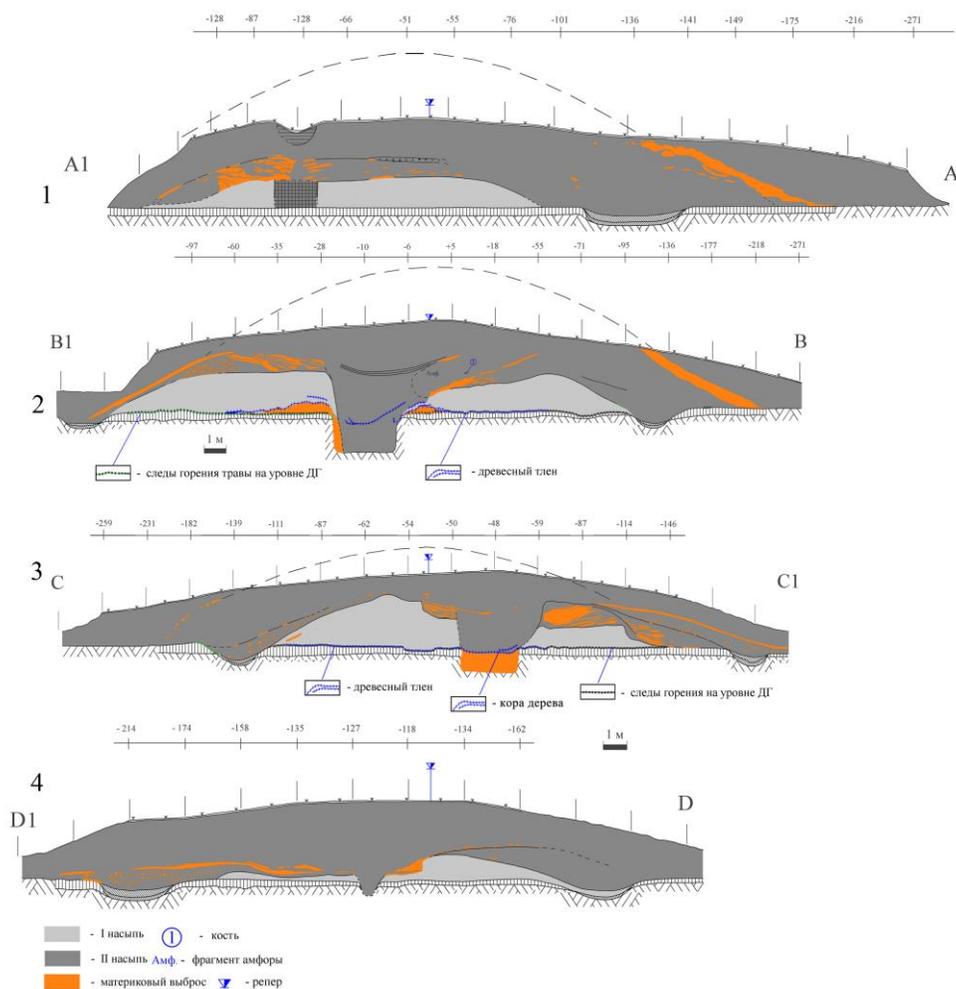

Рис. 3. Профили бровок кургана: 1 – A1-A; 2 - B1-B; 3 - C-C1; 4 – D1-D

Насыпь ограничивалась кольцевым рвом диаметром 29,0 x 28,3 м с двумя перемычками, ориентированными по оси СВ – ЮЗ. Ширина, глубина и профилировка рва варьировали на ряде его участков (рис. 6; 7; 15). Максимальная ширина рва по верху 1,6 м, максимальная глубина от уровня древнего горизонта (далее – ДГ) 0,95 м. Минимальная ширина 0,7 м, минимальная глубина 0,2 м. Ширина перемычек равна 1,8 (СВ) и 2,2 (ЮЗ) м.

Судить конкретно о форме и размерах *основной могилы* сложно. Она фиксируется следующими маркерами. Прежде всего, – двумя линзами материкового выкида в профиле В1-В в виде неправильных полуovalов, с двух сторон от вертикальной ямы впускного погребения, прорезавшего основное.

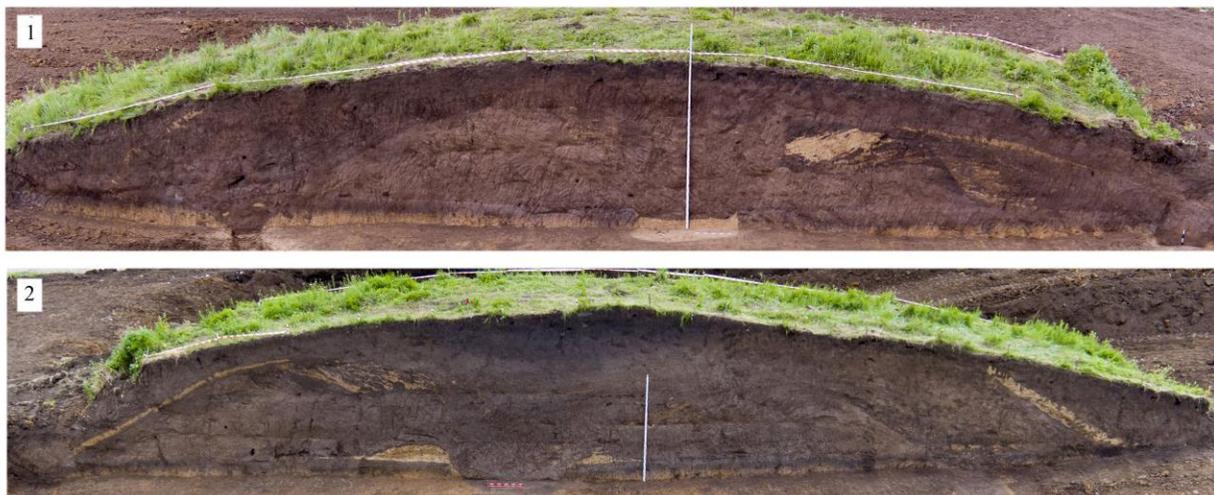

Рис. 4. Профили С-С1 и В1-В Турецкой Могилы. Хорошо выделена первая светлая насыпь и глиняная обмазка-крепида на второй насыпи (фото беспилотного летательного аппарата DJI Inspire 1)

Линзы выкида лежат на уровне ДГ, при этом они различны по мощности (рис. 3, 2; 4, 2). Ширина одной из них до 2,0 м при высоте до 0,5 м, другой – до 1,0 м, при высоте до 0,3 м. Столь незначительный по объёму материковый выкид указывает на то, что основная могила не отличалась значительными размерами.

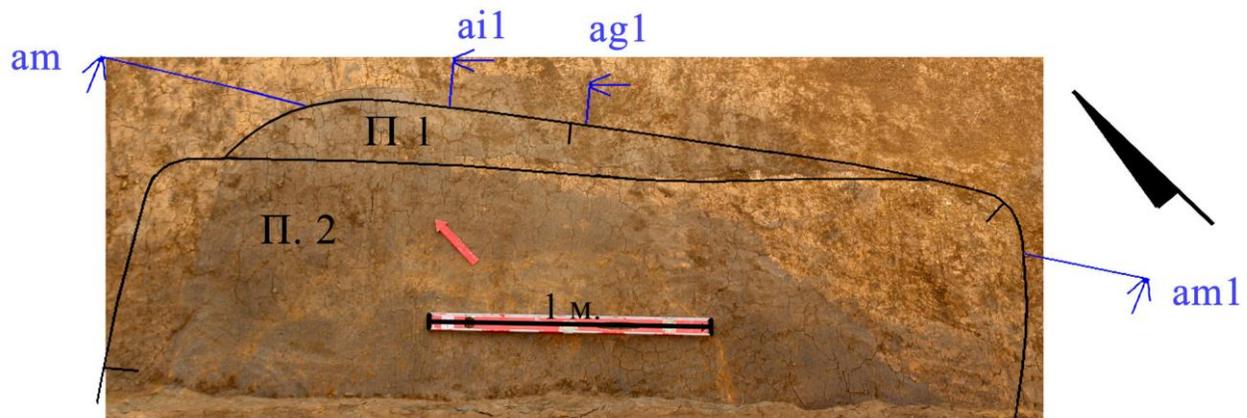

Рис. 5. Планиграфические детали кургана: пятна погребений № 1 (основного) и № 2 (впускного)

Это наблюдение подтверждается двумя иными показателями: краем очень небольшого тёмного пятна могильной ямы основного погребения, примыкающего с СВ к пятну впускной могилы (рис. 5; 6; 10) и – укажем, несколько забегая вперёд – небольшим, неглубоким корытообразным углублением – краем основной могилы, отмеченным в торцевой северо-восточной стенке обширной впускной могилы. Судя по нему, глубина основной могилы была не менее 1,10 м от уровня ДГ. Судить же об иных размерах невозможно. Ориентирована могила, скорее всего, была по оси СВ-ЮЗ, соответственно расположению перемычек кольцевого рва.

Материковый выкид основной могилы был обложен дубовыми отёсанными досками¹ шириной примерно 10 см. Их следы отчётливо видны сверху, на выкиде (рис. 6, 1). К выкиду, вероятно, по всему периметру, примыкала деревянная вымостка очень плохой сохранности, фиксируемая в основном тленом (рис. 6, 1). Её реконструируемый диаметр достигает 15,5 м. Наиболее выразительный участок – в северо-восточной половине подкурганной поверхности. В остальных местах вымостка разрушена при сооружении впускного погребения. Практически по всей открытой площади вымостки встречались следы горения.

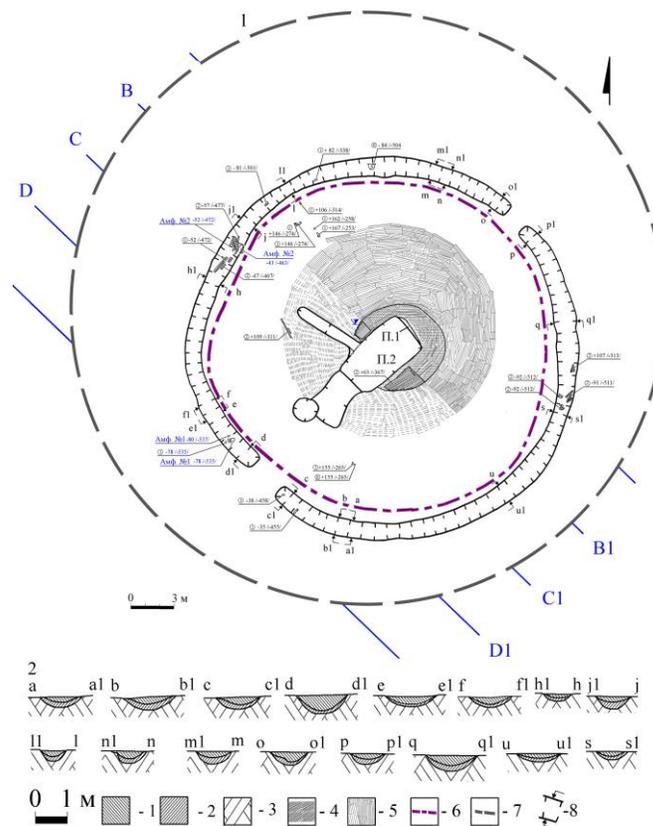

Рис. 6. Общий план Турецкой Могилы по материалам раскопок с профилями рва на различных участках

¹Определение породы дерева здесь и далее осуществлено Поповым А.И., инженером 1-ой категории ботанического сада Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Датировать основное захоронение сложно, поскольку предметы инвентаря из самой могилы не сохранились. Однако во рву, в нижней части заполнения, на затёке, обнаружены остатки тризны – фрагменты двух сосудов (1, 2), которые, несомненно, связаны с этим захоронением (рис. 6, 1). Они залегали примерно на одном уровне: лепной горшок – на глубине 0,84 м, части тулова амфоры – на глубине 0,78-0,80 м от уровня ДГ.

В некоторых местах нижнего заполнения рва, иногда до глубины 0,90-0,91 м, вблизи фрагментов амфоры, встречались отдельные плохо сохранившиеся кости коровы и лошади.

Рис. 7. Этап исследования кургана: вид сверху на кольцевой ров на начальном этапе расчистки (фото беспилотного летательного аппарата DJI Inspire 1)

Описание находок из нижнего заполнения рва:

1) Горшок лепной, фрагментированный (рис. 8, 1-2).

Подобные сосуды, на первый взгляд, не дают узкой даты: в керамическом комплексе Днепроовского Лесостепного Левобережья они встречаются в памятниках VII-IV вв. до н.э. Но есть два обстоятельства, говорящие в пользу относительно раннего характера этой находки. Во-первых, отсутствие закраины на дне сосуда, что свойственно в первую очередь для сосудов архаических, VII-VI вв. до н.э. На это в своё время обратил внимание В.П. Белозор, имея дело с массовым керамическим материалом зольников в урочище Царина на Бельском городище². Во-вторых, подлощённость внешней поверхности сосуда, что также присуще горшкам относительно раннего времени.

2) Часть тулова пифоидной амфоры (рис. 8, 3). Реконструируемый максимальный диаметр тулова 40 см. Черепок оранжево-светло-коричневый, в изломе пористый, с крупными включениями слюды. Морфологические части амфоры отсутствуют.

²Белозор В.П. Исследования зольников в урочище Царина // Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Скорый С.А., Махортых С.В., Белозор В.П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2001 г. К., 2002. С. 53.

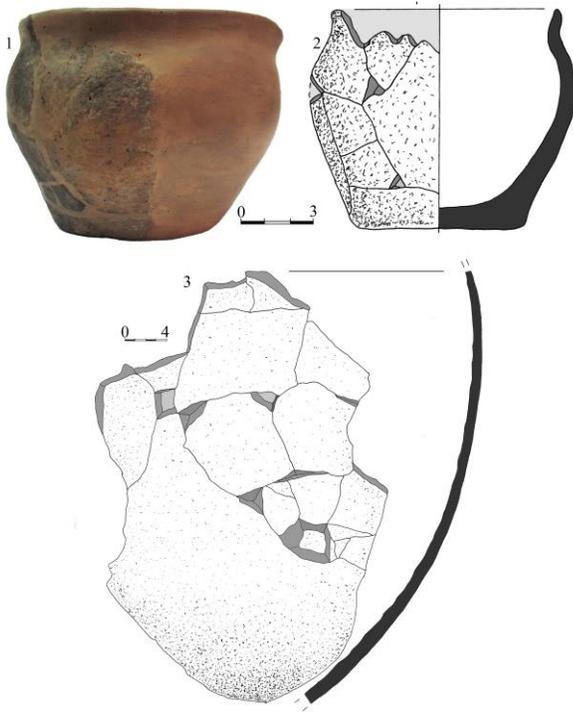

Рис. 8. Находки из нижнего заполнения рва, относящиеся к основной могиле: 1-2 – лепной горшок; 3 – часть тулова античной амфоры

Похоже, что определённую помощь в определении даты основной могилы могут оказать и сохранившиеся детали погребальной обрядности.

Прежде всего, обратим внимание на традицию обкладки деревом или корой линз (или кольца) материкового выкида вблизи могилы. В кругу погребений скифского времени Днепрового Лесостепного Левобережья такая черта фиксируется весьма редко. К числу наиболее ранних случаев стоит отнести курган № 14 у с. Купьеваха Харьковской обл. (бассейн р. Ворскла), где корой была обложена южная часть валообразной насыпи³. Однако в указанном регионе эта особенность, в основном, характерна для погребальных комплексов 2-ой половины VI – начала V вв. до н.э. В том же Купьевахском могильнике она засвидетельствована в курганах №№ 19, 17, 8⁴. В курганах бассейна Ворсклы эта черта встречена также в погребениях V в. до н.э., где деревом обложена, помимо самого выкида, и близлежащая площадка⁵. Несколько подобных случаев отмечено и в погребениях Днепрового Лесостепного Правобережья, в частности бассейна р. Рось⁶, относящихся к V-началу IV вв. до н.э., при этом дерево обкладки у них обожжено, также как в Турецкой Могиле⁷.

Что же касается памятников скифского времени бассейна Северского Донца, то, пожалуй, единственной и достаточно близкой аналогией ситуации в Турецкой Могиле является погребение

³Бойко Ю.Н., Берестнев С.И. Погребения VII-IV вв. до н.э. у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). Харьков, 2001. С. 50, 133, рис. 46, 4.

⁴Бойко Ю.Н., Берестнев С.И. Указ. соч. С. 94, рис. 7, 1; С. 122, рис. 35,1; С. 127, рис. 40, 1.

⁵Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Махортых С.В. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1996 г. К., 1997. С. 6, 10, рис. 6.

⁶Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А. К изучению погребального обряда скифского времени в Поросье // СА. – 1988. – 1 2. С.73-83, рис. 3-5.

⁷Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А., Батуревич Є.Ю. Кургани скіфського часу поблизу с. Іванівка на Київщині // Археологія. – 1996. – 4. С.103, рис. 2, III; С. 107, рис. 5, III; С. 111, рис. 7, I, III.

в кургане № 2 у с. Тетюшино Валковского р-на Харьковской обл. Линза материкового выкида П-образной формы и весь участок, где нет выкида, были обложены деревом, по кругу. Тем не менее, следов горения там нет. Дата указанного погребения по сохранившемуся инвентарю – в пределах 3-ей четверти VI в. до н.э.⁸

Использование огня с целью ритуального очищения места захоронения (площадки) или самой погребальной конструкции, в частности деревянного перекрытия и пр. широко известно в погребальной практике народов древности, в том числе кочевников предскифского и скифо-сарматского времени и не является каким-либо чётким хроноиндикатором. Широко встречается эта деталь в погребальных памятниках Лесостепи, в том числе и на Левобережье Днепра, включая бассейн Северского Донца⁹.

Таким образом, приведённые аналогии лепному горшку из нижнего заполнения рва, связанного с основным захоронением, и некоторым деталям погребального ритуала позволяют предположить, что эта могила относится, скорее всего, к концу VI в. до н.э. и, возможно, близка по времени кургану № 2 у с. Тетюшино.

Судя по палеоботаническим исследованиям золы под первой насыпью, захоронение в основной могиле было осуществлено в апреле – мае.

Учитывая расположение основной могилы в центре подкурганной поверхности, наличие ритуального рва вокруг насыпи, остатки тризны, размеры кургана можно вполне определённо предположить, что в основном захоронении кургана был погребён *мужчина*.

По прошествии определённого времени в кургане было совершенно второе, *впускное* захоронение. С этой целью в первоначальной насыпи была устроена горизонтальная «рабочая» площадка, основательно повредившая первоначальную насыпь (рис. 3; 4). С неё был осуществлён вертикальный прокоп сквозь насыпь в материковый грунт, с учётом размеров, формы и ориентировки могилы. Извлекаемая земля насыпи складировалась на площадке. Там же по мере углубления складывалась и материковая глина.

Впускная могила представляла собой погребальную конструкцию, состоящую из двух основных частей – погребальной камеры и входной ямы. Могила ориентирована по оси СВ-ЮЗ (рис. 6; 9; 10; 15).

⁸Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени. Северскодонецкий вариант. К., 2000. С. 189, рис. 49, 3.

⁹Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Указ. соч. С. 46.

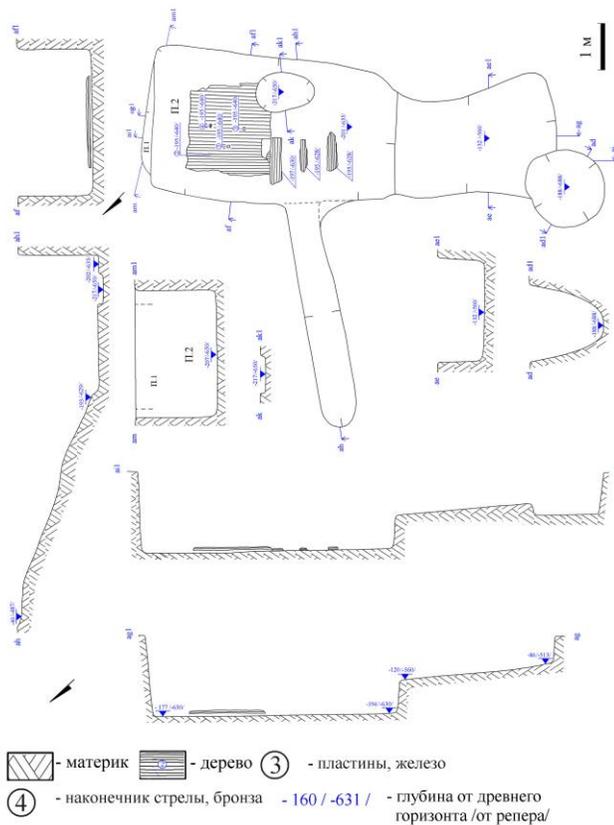

Рис. 9. Впускная гробница Турецкой Могилы. План и разрезы

Чрезвычайно интересно, что впускная могила точно сориентирована на перемычки кольцевого рва, который, бесспорно, соотносится с первым основным погребением (рис.6; 15) Этот факт недвусмысленно свидетельствует о том, что ко времени совершения второго впускного погребения указанный ров не был ещё заполнен грунтом и чётко ограничивал первую насыпь.

Общая длина могилы 9,90 м. Погребальная камера имеет вид вытянутой прямоугольной ямы со слегка скруглёнными углами. Её размеры: длина – 5,45 м, ширина по центру – 3,27 м, глубина от уровня ДГ – 2,00 м (рис. 9; 10; 15).

Несомненно, камера таких размеров должна была иметь первоначально деревянное перекрытие, которое со временем разрушилось и просело в могилу.

Входная яма примыкает к погребальной камере с ЮЗ. В плане она неправильной прямоугольной формы, со слегка скруглёнными углами, значительно расширяется у входа. Её размеры: длина – 4,45 м, ширина возле камеры – 2,18 м, ширина по центру – 2,18 м, ширина юго-западной стенки – 2,72 м, глубина от уровня ДГ – 1,0-1,3 м.

Стены и полы погребальной камеры и входной ямы достаточно ровные, но при этом пол входной ямы плавно понижается в стороны погребальной камеры, которая расположена на 0,80 м ниже.

К моменту исследования впускной могилы, входная яма была заполнена материковой глиной (рис. 4, 1; 7). Несмотря на довольно значительные размеры входной ямы, в ней отсутствовали какие-либо находки.

Вход в погребальную камеру со стороны входной ямы перекрывался закладом из нескольких досок, которые сохранились плохо (рис. 10). Столбы для закрепления заклада отсутствовали.

Юго-западный угол входной ямы частично прорезается круглой в плане ямой диаметром по верху 1,70 м и глубиной 1,88 м от уровня материкового края. Яма сужается ко дну, имея в сечении конусовидную форму. Она выкопана с уровня ДГ, что подтверждается отсутствием её контура на близлежащем профиле насыпи (рис. 6; 9; 15). Яма была забита плотным чернозёмом. Сверху над её заполнением фиксировалось пятно небольшого кострища. Какие-либо находки отсутствуют. Назначение данной ямы не понятно, хотя связь её с погребальной конструкцией – несомненна.

Следует подчеркнуть, что в кругу погребальных памятников скифской поры на Северском Донце¹⁰ могилы подобной конструкции неизвестны¹¹.

Не получили они распространения и в иных регионах Днепровского Лесостепного Левобережья. К числу редких исключений относится сходная погребальная конструкция в кургане у с. Барановка, в междуречье Ворсклы и Псла. При этом курган – ранний, скорее всего, VII в. до н.э.¹² С другой стороны, подобные могилы широко известны в скифскую эпоху в Днепровском Лесостепном Правобережье, причём они вполне определённо соотносятся с кочевниками скифской культуры, проникавшими на разных этапах их истории в данный регион. В их числе, известные архаические погребения – в большом кургане у с. Иванковичи в Киевском Поднепровье¹³, гробница в кургане № 491 у с. Макеевка¹⁴, Репяховатой Могиле (гробница № 1) в бассейне р. Тясмин¹⁵, кургане № 6 (погребение № 1) у с. Яснозорье в Поросье¹⁶. В среднескифский период такие гробницы известны в курганах №№ 400-401 у с. Журовка в бассейне р. Тясмин¹⁷. К позднескифскому времени относится, например, гробница № 2 в кургане Скифская Могила близ Мотронинского городища¹⁸. Правда в таких погребениях, есть, как правило, дополнительные деревянные конструкции в вид опорных столбов, вертикальной обшивки стен плахами и пр. Примечательно, что во всех упомянутых погребениях были похоронены представители скифской знати.

Что же касается забутовки входной ямы материковой глиной, то нам она пока достоверно известна лишь в боковой гробнице скифского царского кургана Солоха (начало IV в. до н.э.) в Нижнем

¹⁰Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Указ. соч. С. 33-39.

¹¹Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. – Київ, 2010. С. 45-49.

¹²Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. Москва-Полтава, 1993. С. 88.

¹³Скорый С.А., Солтыс О.Б., Белан Ю.А. Большой курган эпохи скифской архаики на Киевщине // РА. – 2001. – 4. С. 130, рис. 6.

¹⁴Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга). – САИ. – Вып.Д1-33. М., 1977. С. 26-29.

¹⁵Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с.Матусов // Скифия и Кавказ. К, 1980. С. 34, рис. 3.

¹⁶Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов. К., 1994. – С. 50, рис. 4.

¹⁷Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. К., 1980. С. 251, 253.

¹⁸Скорый С.А., Хохоровски Я. Аристократический курган Скифская Могила вблизи Мотронинского городища (Украинская Правобережная Лесостепь) // Стратум плюс. – 2005-2009. – 3. С. 273.

Поднепровье. Примечательно, что и там, несмотря на довольно приличную площадь входной ямы, какие-либо находки отсутствовали¹⁹.

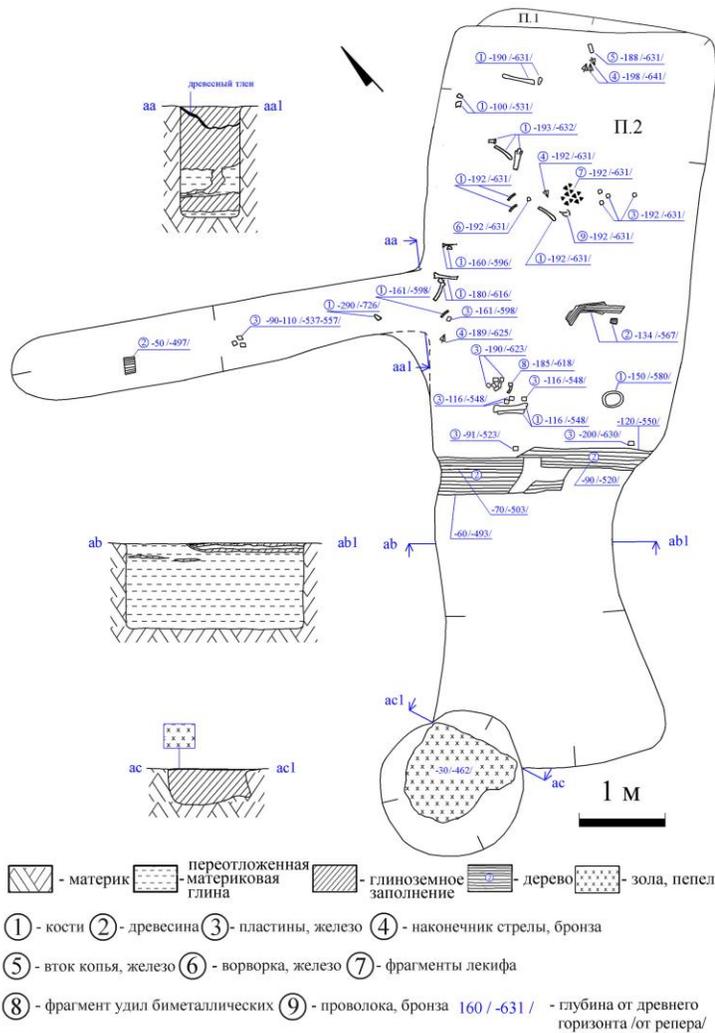

Рис. 10. Впускная гробница с сохранившимися элементами конструкции и находками в переотложенном состоянии

Впускная могила (а точнее – её погребальная камера) была, как минимум, дважды ограблена: в древности, с помощью горизонтальной наклонной траншеи, ведущей с СЗ к широкой стене погребальной камеры и в более позднее время, вероятно, в конце XIX или начале XX вв. вертикальной ямой, по контуру погребальной камеры. Кстати, видимо, при вторичном ограблении могли быть выброшены остатки дерева перекрытия. Следы «позднего» ограбления хорошо просматривались в профиле В1-В и фиксировались при снятии насыпи кургана в плане (рис. 3, 2). По всей видимости, грабители сделали прокоп в северной части пола кургана, который вел в самый центр погребения. Именно здесь в мешаном грунте также были обнаружены кости и фрагмент красноглиняной амфоры.

Грабительская траншея была впущена в материк с пола кургана и наклонно шла в виде лаза в сторону погребальной камеры, резко углубившись к стенке могилы. Её длина 5,0 м, ширина по центру 0,8 м, перед входом в погребальную камеру – с 0,7. Максимальная глубина, траншеи от уровня

¹⁹Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Ленинград, 1987. С. 15, 17, рис. 5.

материкового края, перед входом в могилу 1,35 м (рис. 6; 9; 10; 15). К моменту исследования была заполнена чернозёмом различной плотности. В самом начале траншеи найдены остатки дерева, ближе к погребальной камере – несколько достаточно коррозированных фрагментов металлического щита в виде пластин со следами жёсткого крепления с помощью бронзовой скобы (1-2). К слову сказать, эти находки – свидетельство того, что древнее ограбление произошло через определённое время, когда ряд металлических предметов в могиле пришёл в негодность. Наконец, у входа в погребальную камеру найдено несколько зубов человека.

После второго, позднего, опустошительного ограбления впускной могилы, ни один из оставшихся предметов погребального инвентаря, по сути, не находился *in situ*. Все немногочисленные вещи, отдельные кости человека и животного были в переотложенном состоянии (рис.10). Исключение составляют лишь в определённой степени сохранившиеся участки деревянного погребального помоста, который, судя по всему, занимал значительную часть погребальной камеры. Наиболее хорошо они представлены в северо-восточной половине погребальной камеры в виде сплошного деревянного тлена размерами 1,80 x 2,00 м. В юго-восточной половине – от помоста сохранились три фрагментированные лаги, лежащие параллельно друг другу и перпендикулярно длинным стенам могилы, на которые первоначально выстилались доски помоста. Расстояние между лагами 0,5 – 0,8 м. Реконструируемые размеры помоста примерно 3,5 x 2,00 м (рис. 9).

Найденные разрозненные человеческие кости принадлежат двум погребённым: мужчине (возраст 40-60 лет) и более молодой особе, возможно, женщине (?)²⁰. Учитывая ориентировку погребального сооружения по оси СВ-ЮЗ, можно предположить, что, во всяком случае, основной покойник был ориентирован головой на СВ.

От мясной напутственной пищи сохранились немногочисленные кости лошади и коровы²¹.

На различных глубинах в заполнении погребальной камеры и на его дне были найдены следующие предметы погребального инвентаря: несколько железных пластин и бронзовых креплений от щита (1, 2), целый ряд отдельных панцирных пластин различных размеров и небольшие их блоки, «сварившиеся» в процессе коррозии (3), 11 бронзовых наконечников стрел (4), вток железный копья (5), 3 железные ворворки (6), половинка биметаллического псалия (7), фрагментированный арибаллический лекиф (8).

Описание находок из могилы:

1-2) Достоверно деталями металлического щита с полосчатым покрытием являются одна поломанная железная полоска с приваренной к ней бронзовой скобкой (найдена в грабительской траншее) и 6 бронзовых скобок, из которых лишь 2 сохранились целиком (рис.11, 1).

²⁰ Антропологическое изучение осуществлено А.Д. Козак, к.и.н., с.н.с. отдела биоархеологии Института археологии НАН Украины.

²¹ Палеозоологическое определение костей животных здесь и далее осуществлено В.Л. Бондаренко, сотрудником Музея природы Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

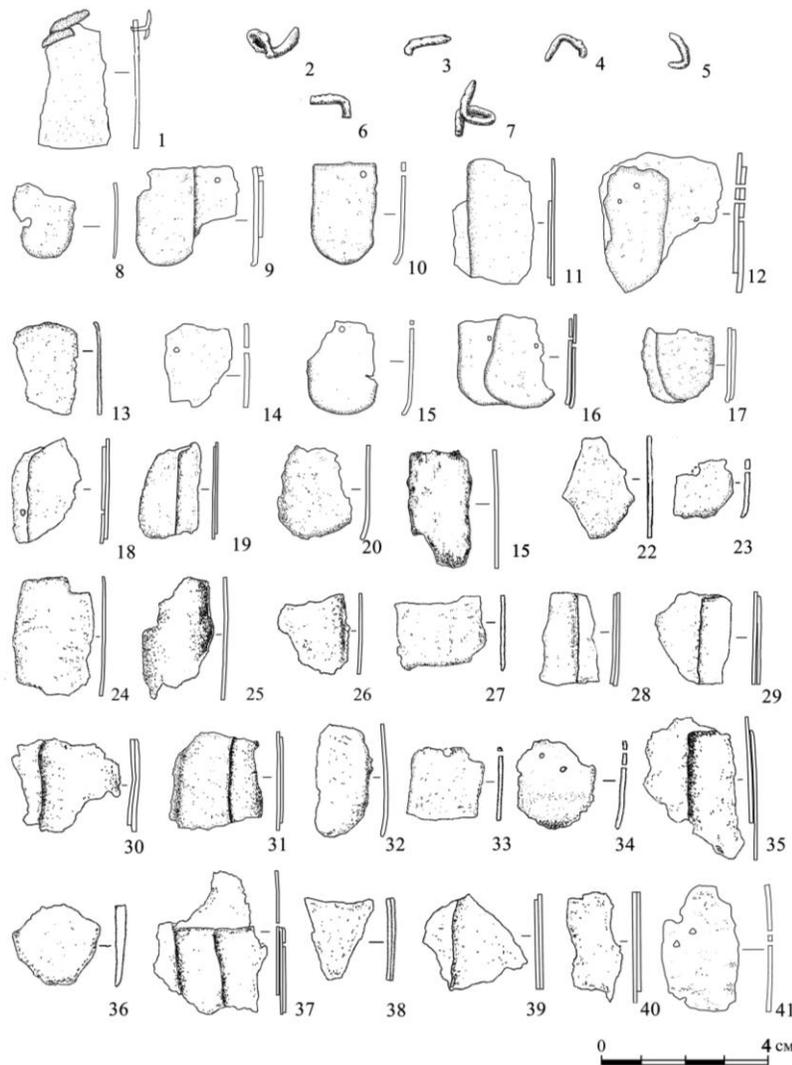

Рис. 11. Фрагменты наборного железного доспеха: 1-7 – детали щита; 8-41 – пластины-чешуйки

Действительно, именно наличие такой жёсткой проволочной связи между пластинами встык отличает наборы щитов от панцирных наборов, где крепление пластин (или чешуек) между собой и на основу доспеха осуществлялось с помощью мягких ремешков²².

3) Пластины (чешуйки) металлического наборного доспеха, возможно, панциря, хотя совершенно не исключено, что часть из них относилась к набору *штанов* или чешуйчатого *шлема*. Эти разновидности металлического доспеха засвидетельствованы в скифской паноплии, причём пластины их набора – практически одинаковы, за редким исключением.

²²Черненко Е.В. Скифский доспех. К., 1968. С. 68.

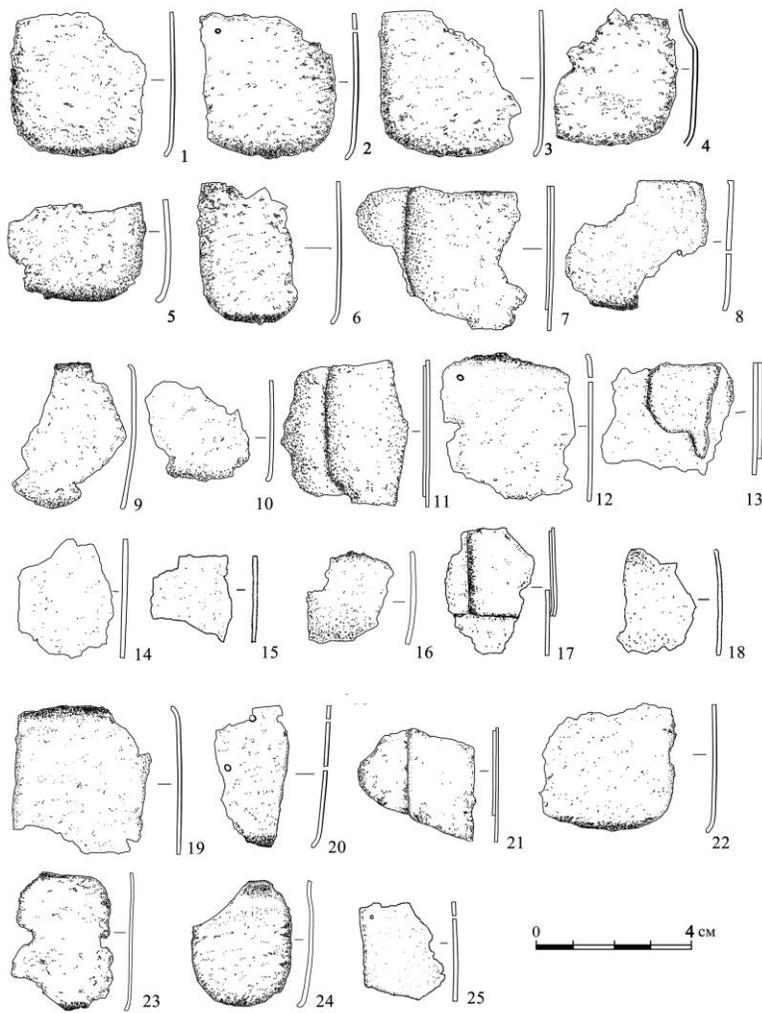

Рис. 12. Пластины-чешуйки наборного доспеха

Металлически пластины сохранились плохо, сильно коррозированы, многие из них обломаны. Лишь несколько экземпляров являются целыми, что позволяет говорить об их размерах и форме (рис.11-12).

Учитывая присутствие среди сохранившихся металлических наборных пластин разных принципов набора, можно осторожно допустить, что в состав наборного доспеха входил не только панцирь, а, возможно, и иные виды защитного вооружения.

4) *Наконечники стрел* трёхлопастные бронзовые (11 экз.). Сохранность плохая, сильно корродированы. Определим тип 9 экз. Восемь из них относятся к наконечникам с более или менее выступающей втулкой, башневидной головкой, прямоугольным, П-образным ложком на половину или 2/3 высоты головки (рис. 13, 1-8). У одного экземпляра, с головкой подобного типа, – втулка практически не выделена, расположена вровень с лопастями (рис.13, 9). Концы лопастей у некоторых наконечников слегка отогнуты в стороны. У двух экземпляров – следы брака на втулках в виде овальных лакун (рис.13, 1, 9).

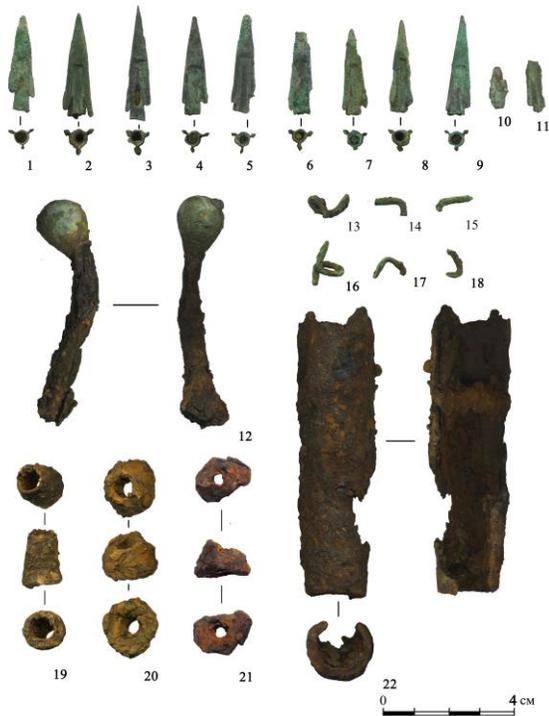

Рис. 13. Металлические изделия из впускной гробницы: 1-11 – бронзовые наконечники стрел; 12 – фрагментированный биметаллический псалий; 13-15 – железные ворворки; 16 – железный вток копья

Примечательно, что во втулках наконечников сохранились древесные волокна, позволившие определить породу дерева, из которого изготавливались древки стрел, а именно – дуб черешчатый.

Восемь описанных наконечников характерны для колчанных наборов всего V в. до н.э.²³ Девятый экземпляр – с втулкой вровень с остриями лопастей, башневидной головкой, заглубленным ложком на половину высоты головки – более обычен для комплексов 2-ой половины V в. до н.э.²⁴ Таким образом, дату сохранившихся стрел можно сузить до 2-ой половины V в. до н.э.

5) *Вток копья* трубчатый, железный. Сильно корродирован и фрагментирован (рис.13, 22). Древесные волокна, сохранившиеся во втулке, свидетельствуют об изготовлении древка копья из дуба.

Подобные трубчатые втоки, как деталь копий или дротиков, встречаются на протяжении всей скифской эпохи и узкой даты не дают.

6) *Ворворки срезанно-конические* железные (3 экз.). Корродированы. Две из них сохранились целиком, одна – обломана сверху (рис.13, 19-21).

Ворворки принадлежат к категории полифункциональных предметов, получивших широкое распространение в скифской материальной культуре. Они использовались как элемент одежды, доспеха, на чехлах копий или дротиков, в конской узде. Железные ворворки появились ещё в раннескифское время, но массовое распространение получают в V-IV вв. до н.э.²⁵

7) *Псалий S-видной формы*. Сохранилась верхняя (или нижняя) часть изделия, обломанная

²³Скорый С.А. Стеблёв: скифский могильник в Поросье. К., 1997. С. 27, 159, рис. 55, 26.

²⁴Скорый С.А. Указ. соч. С. 26-27, 139, рис. 55, 21

²⁵Могилев О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ-Кам'янець-Подільський, 2008. С.81, 368, рис. 148.

в районе восьмёрковидного расширения, которое имело два отверстия для крепления к узде. Псалий – железный, но сверху (и, очевидно, снизу) был украшен бронзовыми шариками. Железный стержень псалия корродирован (рис.13, 12).

Изделие относится к группе биметаллических псалиев. По типологии А.Д. Моголова, это псалии типа П.4.1.2 (комбинированные, с железным центром и бронзовыми концами S-видной формы). Они наиболее хорошо известны в древностях скифской культуры Лесостепи и относятся к V-IV вв. до н.э.²⁶

8) *Лекиф арибаллический*, чернолаковый, краснофигурный. Сохранился в виде нескольких фрагментов, горло, ручка – отсутствуют. Реставрирован. Лак очень хорошего качества. Изображение правостороннее – лежащий кошачий хищник, по-видимому, пантера (рис. 14, 1-2).

Арибаллические чернолаковые лекифы с краснофигурными изображениями кошачьих хищников встречаются нечасто, во всяком случае, – в Северном Причерноморье. К их числу, к примеру, относятся два фрагментированных сосуда из собрания Одесского археологического музея (найлены предположительно в Пантикапее и Ольвии). На них определённо изображены пантеры. Поза животных абсолютно аналогична той, что имеет место на лекифе из Турецкой Могилы. Однако головы хищников даны в профиль, и животные расположены на обычной светлой полоске, не украшенной овами. Эти лекифы относятся к началу IV в. до н.э.²⁷ К числу ольвийских краснофигурных лекифов с изображением пантеры относится и сосуд (дата 425-375 гг. до н.э.), хранящийся в Бонне в собрании Akademischen Kunstmuseum²⁸.

Известны находки лекифов с изображениями пантер и на Боспоре, где их дата также обычно определяется концом V - началом IV в. до н.э.²⁹

Изображения лежащих кошачьих хищников, достаточно подобные, но не идентичны представленному на лекифе из Турецкой Могилы, известны на ряде лекифов в собрании иностранных музеев, при этом их хронологические рамки не отличаются большой конкретностью³⁰.

Как минимум, два ещё подобных изображения пантер известно на фрагментах асков, из материалов Афинской Агоры³¹. Наиболее близкое из них представлено на сосуде, данном в каталоге под 1177. Дата – ранний IV в. до н.э. Изображение на втором фрагменте (№ 1174) тоже довольно сходное. Сосуд датируется поздним V или ранним IV вв. до н.э.

²⁶Моголов О.Д. Указ. соч. С. 36, 288, рис. 73, 7-12.

²⁷Буравчук О.В. Краснофигурные арибаллические лекифы из собрания Одесского археологического музея // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор. – Москва-Киев-Запорожье, 2007. С. 40, рис. 6, 3-4; С 48-49.

²⁸Corpus Vasorum Antiquorum, №230146.

²⁹Шталь И.В. Свод мифо-эллинических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ: леканы, аски, лекифы, ойнохои. М., 2004. С. 70, №№ 49-55.

³⁰Corpus Vasorum Antiquorum, №№3311, 024192.

³¹Moore Mary B. Athic Red-Figured and White-Ground Pottery // The Athenian Agora. – vol. XXX. Princeton-New Jersey, 1997, №№ 1174, 1177.

Рис. 14. Находки из впускной могилы и ее тризны: 1-2 – краснофигурный арибаллический лекиф (фото, прорисовки); 3 - Хиосская амфора (фото)

Таким образом, вполне очевидно, что обнаруженный во впускном погребении Турецкой Могилы краснофигурный арибаллический лекиф (к слову сказать, единственный пока с изображением кошачьего хищника из найденных в скифских памятниках Северного Причерноморья), узкой даты, похоже, не даёт. Близкие изображения пантеры известны на сосудах как конца V, так и начала IV вв. до н.э. Правда, есть один нюанс, на который, как представляется, имеет смысл обратить внимание. Ряд краснофигурных лекифов в собрании Государственного Эрмитажа, под рисунками на которых изображены овы, относятся ко 2-ой половине-концу V в. до н.э.³²

После совершения захоронения на кургане, на склонах первоначальной насыпи и во рву была осуществлена тризна. Её следы в виде довольно многочисленных костей животных, к сожалению, плохой сохранности, встречались в различных местах насыпи. Среди них – кости лошади, коровы, при этом значительно преобладали конские кости. Во рву, на некоторых участках, в верхней части его заполнения (глубина от 0,35-0,38 м) также встречались немногочисленные кости упомянутых животных.

Обращает на себя внимание ситуация на одном из северо-западных участков рва, в верхнем заполнении. Здесь находились в непосредственной близости несколько досок или плах (на некоторых следы горения), кости животных и развал красноглиняной амфоры (9). Несомненно, последняя хронологически

³²Передольская А.А. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Ленинград, 1967, № 223, табл. CLI, 1; № 241. табл. CLII, 3.

соотносится с впускным захоронением. По-видимому, упомянутые доски играли роль некоего столика для поминального пиршества. На этой площадке зафиксирован мелкий бой лепной и гончарной керамики. Возможно, здесь же рядом поджаривалось мясо, что и объясняет наличие следов горения.

Описание находок в верхнем заполнении рва:

9) Амфора красноглиняная, Хиос. Восстановлена полностью (рис. 14, 3).

По типологии С.Ю. Монахова, относится к варианту *ботрос* типа IV (или тип IV B) хиосской тары (фракционные амфоры с прямым горлом или амфоры «нового стиля», по В. Грейс). Наиболее хорошо такие амфоры представлены в материалах ольвийского ботроса 1979 г., а также ольвийского склада № 2 (1971 г.). Одно из отличий таких амфор – невысокое цилиндрическое горло.

Дата: четвёртая четверть V в. до н.э. или, скорее всего, 420-410 гг. до н.э.³³ Подобные амфоры известны в ряде пунктов Северного Причерноморья, встречаются они изредка и в Лесостепи, например, зафиксированы в зольниках №№ 3-4 селища в урочище Царина на Бельском городище, в бассейне р. Ворсклы³⁴.

Приведённые аналогии предметам погребального инвентаря из впускного погребения Турецкой Могилы дают достаточно оснований ограничить его хронологические рамки 2-ой половиной – концом V в. до н.э., а с учётом даты хиосской амфоры сузить их до двух последних десятилетий V в. до н.э.

Судя по возрасту молодой коровы (6-7 месяцев), мясо которой было положено в могилу в качестве напутственной пищи, впускное захоронение было осуществлено в конце осени.

Таким образом, сохранившиеся находки, имеющие отношение к основному и впускному скифским погребениям Турецкой Могилы, позволяют полагать, что между ними существовал хронологический разрыв примерно в 100 лет. В свете этого допущения становится вполне понятным, почему в центр кургана с существующим уже скифским захоронением была впущена также скифская могила, разрушившая более раннее погребение. Иными словами, «устроители» впускной могилы не знали, кому принадлежит курган и где располагаются под его насыпью захоронения. В пользу версии о значительном хронологическом разрыве между осуществлением погребений в кургане говорит и состояние первой насыпи: её грунт к моменту сооружения впускной могилы был настолько плотен, что это позволило горизонтально срезать часть насыпи и устроить на ней рабочую площадку.

Случаи практически полного разрушения ранних скифских захоронений более поздними скифскими могилами крайне редки. В качестве примера можно привести ситуацию в кургане № 2 у с. Яснозорье вблизи г. Черкассы, в бассейне р. Рось. Здесь основное погребение № 1 в центре кургана,

³³Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва-Саратов, 2003. С. 19-20, 239, табл. 9.

³⁴Ролле Р., Герц В., Махортых С., Белозор В. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции 2002 г. К., 2003. С. 25, рис. 11.

конца VI в. до н.э., было прорезано и, по сути, уничтожено впускной могилой № 2, датируемой концом V или началом IV вв. до н.э.³⁵ Как видим, и в данном случае между осуществлением захоронений в кургане прошло продолжительное время.

После совершения захоронения и тризны, насыпь Турецкой Могилы была значительно увеличена за счёт досыпки, которая перекрыла и кольцевой ров. Диаметр кургана возрос до 40 м.

Вся поверхность вторичной насыпи (судя по профилям кургана) была обмазана жидкой глиной, которая, засохнув, превратилась в своеобразную крепиду. Толщина слоя глины колеблется на разных участках насыпи от 0,15-0,20 до 0,45-0,50 м (рис. 3; 4).

Столь необычная конструктивная особенность закрепления насыпи кургана крайне редка. Нам известны лишь два подобных случая. Речь идёт об упоминавшемся уже скифском царском кургане Солоха в Нижнем Поднепровье, в котором насыпь над двумя захоронениями после досыпки (конец V – рубеж V-IV вв. до н.э.) также была закреплена слоем, скорее всего, жидкой глины, толщиной от 0,26 до 0,75 м³⁶. Использование подобной глиняной крепиды, судя по всему, имело место и в кургане № 1 у с. Ильинцы в Лесостепном Побужье, относящемуся к IV в. до н.э. Он также отличался насыпью значительных размеров³⁷.

Чрезвычайно важно, что направления дуг обмазки насыпи, от края к вершине, хорошо фиксируемые в профилях (особенно показателен профиль В1-В) дают вполне объективно данные о высоте кургана в скифскую эпоху. Принимая во внимание ситуацию на самом высоком из сохранившихся профилей насыпи, реконструируемая высота кургана на данном участке была не менее 6,8 м (рис. 3, 2). Однако мы должны учитывать, что этот профиль отражает не самую высокую точку кургана. Именно на ней в своё время стоял триангуляционный знак, и здесь располагалась какая-то поздняя яма, несомненно, разрушившая вершину. Иными словами, у нас есть все основания считать, что в скифскую эпоху курган имел высоту не менее 7,0 м.

Принимая во внимание достаточно большие размеры впускной могилы и осуществлённые ограбления, нет сомнений в том, что в ней первоначально было несравненно большее количество предметов погребального инвентаря.

³⁵Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов. К., 1994. С. 47-52, рис. 3.

³⁶Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Ленинград, 1987. С. 9-10, 15.

³⁷Бессонова С.С. Курганы Лесостепного Побужья // Древности скифов. К., 1994. С. 8, рис. 2,5.

Рис. 15. Полностью исследованный курган, вид сверху: 1 – общий вид памятника; 2 – впускная могила (фото беспилотного летательного аппарата DJI Inspire 1)

Но даже те немногочисленные находки, что сохранились, вполне однозначно дают основания трактовать данную могилу как место погребения знатного тяжеловооруженного скифского воина, похороненного, скорее всего, в сопровождении зависимого (?) лица, возможно, женщины, а также деталей конской упряжи, символизирующей конское захоронение.

О принадлежности захоронения к скифской, скорее всего, кочевой, элите свидетельствуют, конечно, и размеры насыпи Турецкой Могилы. Нужно подчеркнуть, что курганов больших размеров (подобных тем, что есть в степном ареале Северного Причерноморья, в Посулье на территории Левобережной Лесостепи, или в Киевском Поднеровье – на Правобережье) в бассейне Северского Донца известно совсем немного, да и масштабы их несколько иные. К ним в первую очередь относятся следующие погребальные памятники: Хомякова Могила (высота не менее 8 м), входивший в состав Песочинского могильника, одна из насыпей в г. Люботин (высотой до 8 м), несколько насыпей высотой 6-7 м, у с. Большая Гомольша. Меньшие размеры (до 5 м) присущи нескольким курганам у сёл Тетюшино и Зелёный колодец («Высокая Могила»). В свете этих данных, курган Турецкая Могила выглядит вполне представительно.

Напомним, что Турецкая Могила входил в состав небольшого курганного могильника

(5 насыпей), будучи самой высокой из них – курганом-лидером. Принимая во внимание размеры этого кургана и исходя из получившей признание в скифоведении стратификации курганов кочевой элиты Северного Причерноморья с учётом их высоты, мы вправе видеть во впускном погребении кургана Турецкая Могила место погребения одного из номархов³⁸, в которых, не без основания, усматривают военных предводителей значительных племенных подразделений или племён³⁹.

Список сокращений:

РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
CVA – Corpus Vasorum Antiquorum

Библиография:

- Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени. Северскодонецкий вариант. – Киев, 2000. – 245 с.
- Белозор В.П. Исследования зольников в урочище Царина // Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Скорый С.А., Махортых С.В., Белозор В.П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2001 г. – Киев, 2002. – 88 с.
- Бессонова С.С. Курганы Лесостепного Побужья // Древности скифов. – Киев, 1994. – С.3-33.
- Бойко Ю.Н., Берестнев С.И. Погребения VII-IV вв. до н.э. у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). – Харьков, 2001. – 144 с.
- Буравчук О.В. Краснофигурные арибаллические лекифы из собрания Одесского археологического музея // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор. – Москва-Киев-Запорожье, 2007. – С.36-59.
- Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга). – САИ. – Вып. Д1-33. – Москва, 1977. – 68 с.
- Гречко Д.С. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. – Київ, 2010. – 286 с.
- Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). – Киев, 1968. – 267 с.
- Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. – Киев, 1980. – С.31-63.
- Іллінська В.А., Тереножкін О.І. Скіфський період // Археологія Української РСР. – Т.2. – Київ, 1971. – С.8-180.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. – Киев, 1980. – 380 с.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов. – Киев, 1994. – С.41-63.
- Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А. К изучению погребального обряда скифского времени в Поросье // СА. – 1988. – № 2. – С.73-83.
- Ковпаненко Г.Т., Скорый С.А., Батуревич Є.Ю. Кургани скіфського часу поблизу с. Іванівка на Київщині // Археологія. – 1996. – № 4. – С.101-114.
- Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и

³⁸Мозолевский Б.М. Товста Могила. К., 1979. С. 152, табл. 4; С. 154-157.

³⁹Іллінська В.А., Тереножкін О.І. Скіфський період // Археологія Української РСР. Т.2. К., 1971. С. 45.

- Псла. – Москва-Полтава, 1993. – 108 с.
- Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. – Киев, 2005. – 379.
- Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. – Ленинград, 1987.- 144 с.
- Могилев О.Д. Спорядження коня скфської доби у Лісостепу Східної Європи. – Київ-Кам'янець-Подільський, 2008. – 440 с.
- Мозолевский Б.М. Товста Могила. – Київ, 1979. – 250 с.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. – Москва-Саратов, 2003. – 352 с.
- Мурзин В.Ю., Ролле Р., Херц В., Махортых С.В. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1996 г. – Киев, 1997. – 23 с.
- Отрощенко В.В. Новый курганный могильник Белозерской культуры // Скифский мир. – Киев, 1975. – С.193- 206.
- Передольская А.А. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. – Ленинград, 1967. – 402 с.
- Ролле Р., Герц В., Махортых С., Белозор В. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции 2002 г. – Киев, 2003. – 88 с.
- Скорый С.А. Стеблѐв: скифский могильник в Поросье. – Киев, 1997. – 173 с.
- Скорый С.А., Солтыс О.Б., Белан Ю.А. Большой курган эпохи скифской архаики на Киевщине // РА. – 2001. –№ 4. – С.124-137.
- Скорый С.А., Хохоровски Я. Аристократический курган Скифская Могила вблизи Мотронинского городища (Украинская Правобережная Лсостепь) // Стратум плюс. – 2005-2009. – № 3. – С.234-276.
- Черненко Е.В. Скифский доспех. – Киев, 1968. – 192 с.
- Шталь И.В. Свод мифо-эллинических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ: леканы, аски, лекифы, ойнохои. Москва, 2004. – 232 с.
- Corpus Vasorum Antiquorum, №№3311, №230146: 024192.
- Moore Mary B. Attic Red-Figured and White-Ground Pottery // The Athenian Agora. – Vol. XXX. – Princeton-New Jersey, 1997.

Bibliography:

- Bandurovskiy A.V., Buynov Yu.V. Kurgany skifskogo vremeni. Severskodonetskiy variant. – Kiev, 2000. – 245 s.
- Belozor V.P. Issledovaniya zol'nikov v urochishche Tsarina // Murzin V.Yu., Rolle R., Kherts V., Skoryy S.A., Makhortykh S.V., Belozor V.P. Issledovaniya sovmestnoy Ukrainsko-Nemetskoj arkheologicheskoy ekspeditsii v 2001 g. – Kiev, 2002. – 88 s.
- Bessonova S.S. Kurgany Lesostepnogo Pobuzh'ya // Drevnosti skifov. – Kiev, 1994. – S.3-33.
- Boyko Yu.N., Berestnev S.I. Pogrebeniya VII-IV vv. do n.e. u s. Kup'evakha (Vorsklinskiy region skifskogo vremeni). – Khar'kov, 2001. – 144 s.
- Buravchuk O.V. Krasnofigurnye ariballicheskie lekify iz sobraniya Odesskogo arkheologicheskogo muzeya // Antichnyy mir i varvary na yuge Rossii i Ukrainy. Ol'viya, Skifiya, Bospor. – Moskva-Kiev-Zaporozh'e, 2007. – S.36-59.
- Galanina L.K. Skifskie drevnosti Podneprov'ya (Ermitazhnaya kollektsiya N.E. Brandenburga). – SAI. – Vyp.D1-33. – Moskva, 1977. – 68 s.
- Grechko D.S. Naselelnyya skifs'kogo chasu na Sivers'komu Dintsi. – Kiiv, 2010. – 286 s.
- Pl'inskaya V.A. Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezh'ya (kurgany Posul'ya). – Kiev, 1968. – 267 s.
- Pl'inskaya V.A., Mozolevskiy B.N., Terenozhkin A.I. Kurgany VI v. do n.e. u s.Matusov // Skifiya i Kavkaz. –

Kiev, 1980. – S.31-63.

Illins'ka V.A., Terenozhkin O.I. Skifs'kiy period // Arkheologiya Ukraïns'koï RSR. – T.2. – Kiïv, 1971. – S.8-180.

Il'inskaya V.A., Terenozhkin A.I. Skifiya VII-IV vv. do n.e. – Kiev, 1980. – 380 s.

Kovpanenko G.T., Bessonova S.S., Skoryy S.A. Novye pogrebeniya rannego zheleznoogo veka v Poros'e // Drevnosti skifov. – Kiev, 1994. – S.41-63.

Kovpanenko G.T., Skoryy S.A. K izucheniyu pogrebal'nogo obryada skifskogo vremeni v Poros'e // SA. – 1988. – № 2. – S.73-83.

Kovpanenko G.T., Skoriy S.A., Baturevich Ė.Yu. Kurgani skifs'kogo chasu poblizu s. Ivanivka na Kiïvshchini // Arkheologiya. – 1996. – № 4. – S.101-114.

Kulatova I.N., Lugovaya L.N., Suprunenko A.B. Kurgany skifskogo vremeni mezhdurech'ya Vorskly i Psla. – Moskva-Poltava, 1993. – 108 s.

Makhortykh S.V. Kimmeriytsy Severnogo Prichernomor'ya. – Kiev, 2005. – 379.

Mantsevich A.P. Kurgan Solokha. Publikatsiya odnoy kolleksii. – Leningrad, 1987.- 144 s.

Mogilov O.D. Sporyadzhennya konya skfs'koï dobi u Lisostepu Skhdnoï Ėvropi. – Kiïv-Kam`yanets'-Podil's'kiy, 2008. – 440 s.

Mozolevskiy B.M. Tovsta Mogila. – Kiïv, 1979. – 250 s.

Monakhov S.Yu. Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare. Katalog-opredelitel'. – Moskva-Saratov, 2003. – 352 s.

Murzin V.Yu., Rolle R., Kherts V., Makhortykh S.V. Issledovaniya sovместnoy Ukraïnsko-Nemetskoй arkheologicheskoy ekspeditsii v 1996 g. – Kiev, 1997. – 23 s.

Otroshchenko V.V. Novyy kurgannyy mogil'nik Belozerskoй kul'tury // Skifskiy mir. – Kiev, 1975. – S.193- 206.

Peredol'skaya A.A. Krasnofigurnye atticheskie vazy v Ermitazhe. – Leningrad, 1967. – 402 s.

Rolle R., Gerts V., Makhortykh S., Belozor V. Issledovaniya sovместnoy Ukraïnsko-Nemetskoй arkheologicheskoy ekspeditsii 2002 g. – Kiev, 2003. – 88 s.

Skoryy S.A. Steblev: skifskiy mogil'nik v Poros'e. – Kiev, 1997. – 173 s.

Skoryy S.A., Soltys O.B., Belan Yu.A. Bol'shoй kurgan epokhi skifskoy arkhaiki na Kievshchine // RA. – 2001. – № 4. – S.124-137.

Skoryy S.A., Khokhorovski Ya. Aristokraticheskiy kurgan Skifskaya Mogila vblizi Motroninskogo gorodishcha (Ukraïnskaya Pravoberezhnaya Lsostep') // Stratum plus. – 2005-2009. – № 3. – S.234-276.

Chernenko E.V. Skifskiy dospekh. – Kiev, 1968. – 192 s.

Shtal' I.V. Svod mifo-ellinskikh syuzhetov antichnoy vazovoy rospisi po muzeyam Rossiyskoй Federatsii i stran SNG: lekany, aski, lekify, oynokhoi. Moskva, 2004. – 232 s.

Corpus Vasorum Antiquorum, №№3311, №230146: 024192.

Moore Mary B. Attic Red-Figured and White-Ground Pottery // The Athenian Agora. – Vol. XXX. – Princeton-New Jersey, 1997.